

Секция «История»

Культ св. Димитрия Мироточивого (Солунского) в Византии и у православных славян (от истоков до конца XII века)

Добычина Анастасия Сергеевна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: fisha.87@mail.ru

Политическая культура средневековой христианской Европы предполагала широкое использование культа святых в официальной практике. Средневековая Болгария не была исключением из правила [8]. После принятия Христианства в 864 г. она вошла в орбиту византийского влияния, а в 1018 г. - в состав Византийского государства. В 1185-1186 гг. после восстания братьев Петра и Асеня и восстановления болгарской государственности новым правителям необходимо было выработать свою собственную легитимность [2]. Решив построить ее на культе св. Димитрия Мироточивого или Фессалоникийского (слав. Солунского), они использовали в своих целях некую почитаемую икону великомученика, вывезенную из только что (август 1185 г.) разоренных сицилийскими норманнами Фессалоник [6]. Чтобы выяснить, почему действия Петра и Асеня по легитимации своей власти были построены именно на культе св. Димитрия, необходимо предварительно воссоздать, хотя бы в самых общих чертах, картину предшествующего почитания великомученика на византийской и славянской почве.

Проведенное исследование показывает, что культ св. Димитрия от истоков до конца XII в. претерпел ряд серьезных изменений. Получив развитие в Фессалониках, он недолго оставался местным. Уже начиная с VII в. византийские императоры начинают проявлять к нему устойчивый интерес, а после возвращения к иконопочитанию (843 г.) культ превращается в общеимперский и достигает своего подлинного расцвета [4]. Именно в этот период изменяется эмоциональная и смысловая окраска образа святого и характер его почитания [10]. Если в доиконоборческий период св. Димитрий предстает в ипостаси юного патриция, помощника благочестивых фессалоникийцев в их житейских делах, то после усиления аварской и славянской опасности он превращается в «мужа огненного», готового сокрушить врагов Фессалоник не только «духовно», но и физическим образом [3].

Именно этот «победоносный» образ святого и берут на вооружение византийские императоры, используя его для укрепления авторитета собственной власти. С конца IX в. культ св. Димитрия «осваивается» в Константинополе: в честь него строятся храмы и монастыри [7], а с XII в. осуществляется перенесение важнейших реликвий, связанных с культом великомученика [9]. К концу XII в. культ св. Димитрия приобретает имперский характер, а сам мученик широко почитается не только в высших эшелонах власти, но и среди византийских военных средней руки, гражданского населения. Однако не менее важную роль в развитии культа играют Фессалоники: об этом свидетельствует и письменная традиция, связанная со святым (предпринимается даже попытка создать целостное собрание всех текстов, посвященных св. Димитрию, в Corpus Demetrianum) [3], и то, что этот город остается важнейшим паломническим центром, из которого

ежегодно вывозится множество реликвариев, несущих в себе чудотворный потенциал фессалоникийской базилики [5].

В рамках византийского политического и культурного влияния культ св. Димитрия распространяется на южно- и восточнославянских землях. В Болгарию он попадает вместе с миссией учеников Кирилла и Мефодия, приживается и достигает своего расцвета в XI-XII вв., когда Болгария становится частью Византийской империи [4]. В 1185-1186 гг. этот культ становится средством легитимации власти мятежников из восставшей византийской провинции на северо-востоке современной Болгарии. Воспользовавшись широким резонансом в обществе в связи с разгромом Фессалоники норманнами в августе 1185 г. и имея в распоряжении некую чтимую икону св. Димитрия, братья Петр и Асень смогли убедить своих соплеменников в том, что сам св. Димитрий, покровитель императоров и христолюбивого воинства, выступает на их стороне и предвещает им победу [1]. Таким образом, выбор св. Димитрия как покровителя восстания не был случайностью. Во многом он был обусловлен благоприятным стечением обстоятельств: действиями норманнов и появлением в столице будущего восстания значимой реликвии святого. Однако эти факторы еще не гарантировали успеха всего предприятия. Наиболее важным в данном случае было то, что к концу XII в. культ св. Димитрия был настолько тесно связан в сознании всех подданных Византии с императорской властью, что захват и разграбление города «варварами»-норманнами, а затем «чудесное» появление широко почитаемой иконы в глухой византийской провинции и умелая «пропаганда» со стороны Петра и Асеня действительно должны были произвести на болгар неизгладимое впечатление. Более того, «переход» самого св. Димитрия на сторону мятежников служил как бы «официальным разрешением» на восстание и веским аргументом для участия в действиях Асенеи «сомневающимися», лояльных к византийской власти слоев болгарского населения.

Литература

1. Акоминат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань: Александрия, 2003. Т. 2. С. 21.
2. Иванов С. А. Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI-XII вв. // Славяне и их соседи. М.: Наука, 2008. С. 66-73.
3. Иванова О. В. Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. (VII-IX вв.). М.: Восточная литература, 1995. С. 91-97.
4. Иванова О. В., Турилов А. А., Лукашевич А. А., Преображенский А. С. Димитрий Солунский // Православная Энциклопедия. Т. XV. М.: Православная энциклопедия, 2007. С. 155-195.
5. Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М.: Модус, 1997. С. 220-253.
6. Дуйчев И. Въстанието на Асеновци и култът на свети Димитрия Солунски // Дуйчев И. Проучвания върху българското Средновековие. София: Книпеграф, 1945. С. 44-51.

7. Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the XIV and XV Centuries. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. P. 267.
8. Polyviannyi D. I. The Cults of Saints in the Political Ideology of the Bulgarian Empire // Fonctions Sociales et Politiques du Culte des Saints dans les Societes de rite Grec et Latin au Mogen Age et a l'epoque Moderne. Approche comparative. Wroclaw, 1999. P. 401-416.
9. Tapkova-Zaimova V. Quelques representations iconographiques de Saint Demetrius et l'insurrection des Assenides-premiere scission dans son culte «oecumenique» // Byzantinobulgarica: Ed. de l'Academie Bulgare des Sciences, 1978. T. 5. P. 263-264.
10. Walter J. St. Demetrius: The Myroblitos of Thessalonika // Eastern Churches Review. Oxford, 1973. Vol. 5. № 2. P. 157-178.